

предварительной «научной тренировки ума» полевого исследователя [Malinowski 1922 : 3, 12]. Но как отделить собственный «здравый смысл» и свою «психологию» от навыков, приобретенных в рамках системы академического образования, тем более что результаты профессионального обучения зависят от условий складывания личности студента? Как бы отвечая на этот вопрос, Малиновский говорит о различии между «хорошей теоретической подготовкой» и «предвзятым мнением», но не указывает формальных признаков этого различия [Malinowski 1922 : 9].

В своей первой книге, написанной по чужим источникам, Малиновский занимал более взвешенную позицию, говоря о том, что необходимо тщательно *анализировать* (курсив наш. — П. Б.) утверждения даже профессиональных этнографов, чтобы иметь возможность отделять простые записи фактов или их обобщение от теоретических заключений, основанных на чисто гипотетических посылах [Malinowski 1913 : 13, 25]. Это путь сравнительно-аналитического метода, подразумевающего целостное описание культур (функционализм в широком смысле слова). Как показывает практика, «деструктивизм» индивидуального полевого исследования нейтрализуется непрерывностью общего исследовательского пространства. Этот путь ведет к понятию структуры.

Второй путь — отказ от сравнительно-аналитического метода (функционализм в узком смысле слова), который ведет к постмодернизму, т. е. попытке элиминировать противоречия функционального метода за счет избавления от самой реальности. В стремлении получить функциональный метод в совершенно чистом, свободном от субъективных «примесей», виде он фактически лишает этнографа права использовать чужие источники. С этой точки зрения то, что мы называем постмодернизмом, правильнее называть «постфункционализмом».

Проблема «поле—кабинет»

Проповедуя функциональный метод полевой работы, Малиновский в неявном виде ставит несколько действительно серьезных теоретических проблем, которые до сих пор управляют нашей наукой, выступая в роли ее интерпретаторов. Это проблема этнографического источника, проблема основного

уровня этнографического наблюдения, проблема объективности этнографического знания и проблема базисного знания, которым должен обладать этнограф (проблема «школы»).

Как и во многом другом, при решении вопроса о методах обучения профессиональных этнографов, способных к эффективной работе с информантами, Малиновский занимает двойственную позицию. С одной стороны, он признает, что проведение полевых исследований требует специальной теоретической подготовки, с другой — он против абстрактных (conjectural and reconstructive) теорий, оказывающих отрицательное влияние на результаты полевых исследований. Это противоречие снимается терминологическим образом за счет *допущения* теории «в строгом эмпирическом смысле» [Malinowski 1932 : xxxi]. Как выясняется, на практике это означает почти полное отсутствие какой-либо внятной системы обучения, которую заменяют рассказы о личных впечатлениях [Купер 1993 : 6].

Все это дает повод говорить об уникальности опыта создания кафедры этнографии и антропологии в Санкт-Петербургском университете с точки зрения места, которое она занимает в системе гуманитарного образования и не только в нашей стране. Согласно первоначальному замыслу, кафедра лежит на двух китах: исследованиях по этногенезу и полевых этнографических исследованиях. Фактически это деление соответствует оппозиции «поле—кабинет» в том понимании, которое было характерно для Малиновского, а затем представлено в более подробном виде в работах Рэдклифф-Брауна. В идеале все происходит в следующем порядке. Этнограф собирает информацию в «поле», чтобы затем в «кабинете» систематизировать ее. В результате систематизации становятся видны пробелы или противоречия. Для их устранения этнограф повторно едет в «поле», снова возвращается в «кабинет», и так до тех пор, пока полевые наблюдения не приобретают форму единого целого.

Идея Р. Ф. Итса, воплощенная в системе обучения на кафедре этнографии и антропологии, по существу является преломлением функционалистских взглядов, их адаптацией к сфере университетского образования в условиях господства марксистского (исторического) подхода. Из его лекций можно было понять, что этнограф, ограничивающий свою деятельность или опыт «полем» или «кабинетом», не является этнографом. Такое построение академического курса следует считать несомненным признаком функционализма. Но у функцио-

нализма два варианта. Функционализм в узком смысле ведет к постмодернизму, т. е. слиянию теоретических построений с сухими (brute) эмпирическими данными, функционализм в широком смысле — к разграничению этих сфер в процессе познания этнографической реальности.

Принципиальное различие между западной полевой этнографией и отечественной полевой этнографией заключается в стратегии подачи результатов полевой работы. Отделение настоящей теории от «предвзятого мнения» происходит не в голове исследователя, а в практике составления этнографических отчетов. Как выразился С. В. Соколовский, этнографические отчеты — своеобразный жанр, не предназначенный для взора аутсайдеров [Соколовский 1993 : 4]. В данном случае нами имеется в виду их эмпирическая чистота (отсутствие выводов или авторских интерпретаций).

Этнографический отчет служит границей между эмпирическими и теоретическими исследованиями. Этнографический отчет, как и требовал Малиновский, нельзя (невозможно) изменить, интерпретации содержащихся в нем сведений могут быть сколь угодно смелыми, оставляя в целостности уже зафиксированный эмпирический материал. Главная идея В. А. Козьмина, одного из учеников Р. Ф. Итса, состоит в том, что задача полевой этнографии — это создание этнографического источника [Козьмин 1993 : 461]. С момента создания этнографического источника он становится объективной неизменяемой данностью (по Попперу, частью «третьего мира» понятий и представлений), причем не только по отношению к другим авторам, но и по отношению к собирателю информации. Малиновский особо настаивал на недопустимости «совершенствования» (т. е. подделки. — П. Б.) полевых наблюдений даже самим собирателем после того, как он покинул «свое» племя [Malinowski 1932 : xxxi]. Это замечание делает *полевые записи* основной формой этнографического источника. Интерпретировать полевые наблюдения можно каким угодно образом, поскольку любой исследователь может вернуться к источнику и составить собственное мнение о содержании, отраженной им реальности (внести в полевые записи теоретические построения практически невозможно, наблюдение попросту не дает к этому повода). Показать, где и как проходит граница между источником и его интерпретацией, можно на примере работы Урсулы Макконнел, посвященной одному из австралийских мифов.

Во-первых, приводя «Лунный миф» аборигенов Северного Квинсленда, она предупреждает читателя, что текст мифа составлен ею из нескольких записанных в разное время кусков, исходя из подразумеваемой их содержанием последовательности; во-вторых, текст мифа сопровождается специальным разделом, в котором он анализируется («объясняется») путем введения экстралингвистической информации [McConnell 1931 : 9, 17—25].

С этой точки зрения наиболее предпочтительно полевое описание, стремящееся к максимально полной фиксации, но на практике осуществить такую запись крайне сложно, так как ритуал может происходить одновременно в разных местах [Байбурин 1982 : 11]. Поэтому именно в момент непосредственного наблюдения культура распадается на отдельные фрагменты. «Рассматривать» исследуемую культуру как единое целое, т. е. описывать ее, — это уже довольно сложная теоретическая задача. При ее решении можно идти по пути «позитивизма», классифицируя ее элементы по разделам от простого к сложному (материальная — социальная — духовная культура), или «символизма», используя в качестве парадигмы элемент, который кажется более ярким и емким. Именно по этому пути пошел Малиновский при написании «Аргонавтов». Его дневниковые записи выступают в роли *наблюдения*, на основе которых строится *описание* культуры тробрианцев, включающее в себя эти наблюдения. Разумеется, упомянутую книгу можно использовать в качестве этнографического источника с учетом того, что было привнесено, а именно — *моделирование* этой культуры.

То же касается «постмодернистов». В их работах неосознанное соединение двух уровней исследования (наблюдение — описание) уже превращается в особый научный метод. Западная практика защиты диссертаций, основанных исключительно на собственных полевых материалах (как негласный запрет на сравнительные исследования), закрепляет позиции «постмодернизма». В российской науке границы между эмпирическими и теоретическими исследованиями всегда соблюдались достаточно строго, поэтому в качестве диссертационных сочинений чаще выступают теоретические работы, связанные с анализом множества этнографических источников, что само по себе препятствует распространению «постмодернистских» тенденций. Внутри советской науки в силу известных причин сравнительный, или сравнительно-исторический, метод рас-

сматривался в качестве основного, ничем не противореча дореволюционной научной традиции с ее стремлением более четко отделять полевую этнографию от теоретической.

Здесь мы подходим к тому, что, по общему мнению, отделяет Малиновского от советских этнографов. Это — его пресловутый отказ от принципа историзма, который выражался в сомнениях по поводу надежности исторических реконструкций. Однако это чисто внешнее различие. В этом вопросе обе стороны непоследовательны в равной степени, но с обратным знаком. Переходя к конкретным исследованиям, С. А. Токарев высказывал положения, мало чем отличающиеся от позиции Б. Малиновского. В этой ситуации Малиновский вряд ли смог бы добавить что-либо существенное. С другой стороны, само утверждение о невозможности или ненадежности исторических реконструкций является, исходя из логики рассуждений Малиновского, не чем иным, как «теоретическим предположением» (*conjectural and reconstructive theory*), т. е. никак не должно — и не может! — влиять на результаты полевой работы. Здесь декларативный историзм и декларативный антиисторизм в качестве внешней формы одинаково бессильны по отношению к содержанию функционального, если угодно, системного метода. Находясь в поле и занимаясь описанием конкретной культуры, исследователь просто за неимением времени не в состоянии раздумывать, кто он — эволюционист или диффузионист, марксист или антимарксист. Таким образом, отказ от исторических реконструкций, явный или скрытый, как основной элемент функционального метода означает требование структурного подхода. Полевые исследования по самой своей природе являются синхроническими, т. е. структурными (ср. «контур», «конституция», «каркас», «скелет» культуры в работах Малиновского).

Об истолковании исторической реконструкции

Касаясь вопроса разумности проблемы исторических реконструкций в этнографии, следует иметь в виду общенаучный характер этой проблемы. Сложности с реконструкциями возникают, в частности, и в нарративной истории, пользующейся письменными источниками в том значении якобы объективных (раз и навсегда фиксированных) следов прошлого, в котором это понятие существует для историка. Ход рассуждений историка